

УДК-323:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-29-39

**КАК ИЗМЕНИЛСЯ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ГУБЕРНАТОРА:
АНАЛИЗ БИОГРАФИЙ ГЛАВ РЕГИОНОВ. 1991–2019 гг.**

Артем Флягин

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)

Аннотация

Автор выделяет пять основных этапов трансформации российской политической системы, оказавших наибольшее влияние на региональный уровень власти. Через призму этих этапов производится анализ биографий всех глав субъектов РФ, занимавших свой пост с 1991 по 2019 гг. с целью выявить социальные характеристики и карьерные траектории корпуса региональных руководителей. В результате автор приходит к выводу об отсутствии радикального обновления элиты на региональном уровне и воспроизводстве советской политической элиты. Портрет регионального руководителя изменился от советского «хозяйственника» к современному «менеджеру», что находит своё отражение как в изменении профиля образования, так и профессионального опыта. Выявлена тенденция плутократизации регионального уровня власти за счёт увеличения выходцев из бизнеса и свободном перемещении представителей власти и бизнеса между своими сферами. Растёт профессионализация чиновничества, отражающаяся в увеличении необходимости наличия опыта работы в госструктурах для занятия должности регионального руководителя. Отмечается увеличение зависимости регионов от федерального центра за счёт как роста количества «варягов», так и возрастания количества случаев непосредственного рекрутирования из федеральных структур.

Ключевые слова: губернаторы; биографии; трансформация.

Региональный уровень власти современной России является объектом постоянного внимания со стороны исследователей. Причём научный интерес к данной области проявляют не только российские, но и зарубежные учёные. Не вызывает сомнений, что данная область хорошо изучена, однако, как представляется, необходимость и актуальность дальнейших исследований определяется несколькими причинами. Во-первых, региональный уровень политики являет собой уменьшенную копию политики в государстве в целом. При этом каждый регион представляет собой уникальное, отличное от других, политическое образование со своими особенностями. Во-вторых, все регионы подвержены влиянию центральной власти, степень и формат которого для каждого региона уникален. И в-третьих, все вышеуказанные процессы и явления представляют собой динамичную систему, которая постоянно видоизменяется. Это делает необходимым постоянный поиск и анализ новых данных, а также их сравнение с уже имеющимися.

Для дальнейшего анализа необходимо определить наиболее важные этапы трансформации российской политической системы, которые сильнее всего отразились на региональном уровне власти в целом и институте главы субъекта, в частности. В российских условиях тяжело выявить универсальные для всех регионов процессы, которые позволили бы построить единую модель, но некоторые обобщения необходимы, чтобы выявить общие тенденции. Автором данного исследования предлагается пять этапов.

Первый этап охватывает временной промежуток с 1991 по 1995 гг. Это переходный этап распада СССР и образования Российской Федерации. На данном этапе прямые выборы глав субъектов проходят только в национальных республиках, а остальные главы назначаются президентом. Подписание Федеративного договора определяет формат взаимоотношений центра и регионов. В результате событий сентября-октября 1993 г. за поддержку Верховного Совета своих постов лишаются ряд губернаторов: А.В. Сурат, В.И. Берестовой, Ю.Е. Лодкин, В.П. Муха, а также происходит роспуск всех региональных Советов. Начинается процесс приватизации и последовавшее за ним перераспределение капитала в регионах, что повлекло возникновение регионального бизнеса. При этом регионы имели большое количество собственных ресурсов, так как 61% всех налогов оставались в их бюджете.

тах (Treisman, 2002: 64). Данный этап характеризуется зависимостью руководства большинства регионов от президента при сохранении большого количества ресурсов в региональной казне.

Второй этап охватывает отрезок с 1996 по 2000 гг. В данный период происходят повсеместные выборы глав субъектов РФ. Региональный уровень власти уходит от осязаемой части контроля со стороны президента в результате опоры на волю регионального электората, что, в частности, привело к возврату в губернаторские кресла ранее отправленных в отставку Ельциным В.П. Мухи и Ю.Е. Лодкина. Реформа порядка формирования Совета Федерации дала руководителям российских регионов новые возможности по влиянию на государственную политику и лоббированию интересов своих регионов, приблизив их к столичным элитам. Данный этап можно охарактеризовать как период наибольших возможностей для руководителей субъектов РФ.

Третий этап ограничивается рамками с 2001 по 2004 гг. Приход к власти нового президента Путина В. В. ознаменовал начало периода, названного в научном сообществе «рецентрализацией», сущность которого сводилась к восстановлению федеральным центром властной вертикали и рычагов управления важнейшими государственными ресурсами на региональном уровне (Гельман, 2006: 90). Важными событиями на данном этапе стала новая реформа Совета Федерации, лишившая глав регионов возможности лично находиться в этом органе, что увеличило дистанцию между ними и центральной властью. Создание системы федеральных округов и назначение полномочных представителей, ставших промежуточным звеном между региональной и федеральной властью, ещё больше оттеснило губернаторов от центра. Налоговая реформа, сократившая к 2001 г. поступления в региональные бюджеты с 61 до 48%, лишила регионы заметной доли финансовой самостоятельности, поставив многие субъекты в зависимое положение от дотаций федерального центра. И, наконец, наделение президента формальным правом по решению суда снимать с должности региональных руководителей в очередной раз уменьшило их автономию (Treisman, 2002: 62–65). Другим значимым событием стало создание партии власти «Единая Россия», хотя и не игравшей большой роли на данном этапе, так как большинство кандидатов на региональных выборах в этот период предпочитали оставаться независимыми (Reuter, 2017: 125).

Четвёртый этап располагается между 2005 и 2012 гг. В рамках этого периода произошла отмена прямых выборов губернаторов в пользу процедуры утверждения кандидатуры губернатора региональным парламентом по представлению президента. Первоначально данная процедура, как того и возможно было ожидать, не была использована для «зачистки» губернаторского корпуса, а лишь подтверждала полномочия действующих глав. Однако позднее, в 2007–2008 гг., тенденция к замене губернаторского корпуса стала проявляться всё отчетливее (Туровский, 2009: 72–73). За обозначенный период корпус региональных глав был обновлён более чем на половину (Гуляева, 2014). В данной ситуации в полной мере проявила себя и партия власти: к октябрю 2005 г. более половины российских губернаторов стали членами Единой России, а к ноябрю 2007 г. только восемь региональных глав не являлись её членами (Reuter, 2017: 127–128).

Пятый этап охватывает промежуток с 2013 по 2019 гг. Происходит возврат прямых выборов региональных руководителей как ответ власти на массовые протесты 2011–2012 гг. Однако этот возврат произошёл с некоторыми изменениями институционального характера. Федеральный центр, привыкший к подконтрольности процесса назначения первых лиц регионов, нашёл способ исключения из предвыборной гонки нежелательных кандидатов путём введения «муниципального фильтра». Правда, иногда он даёт сбои, о чём свидетельствует «протестное голосование» 2018 г., когда оппозиционные кандидаты, казавшиеся техническими, проходили через муниципальный фильтр и выигрывали кампанию у кандидата от партии власти (Бурда, 2019: 23).

Объектом данного исследования стали главы субъектов РФ, занимавшие свой пост с декабря 1991 г. до 31 июля 2019 г. В качестве глав субъектов рассматривались лица, вступившие в должность главы, временно исполняющие обязанности не учитывались. В случае если врио вступали в должность, то период исполнения ими обязанностей засчитывался как общий стаж нахождения в должности. Предметной областью исследования стали социально-биографические характеристики и карьерные траектории лиц, занимавших высшую ступень исполнительной власти регионального уровня.

Выбор объекта исследования обуславливался тем, что в силу занимаемой должности глава субъекта концентрирует в своих руках значительный объём ресурсов и способен оказывать влияние на принятие решений в рамках вверенного ему региона. Подобное положение позволяет ему охватывать политические, административно-хозяйственные и экономические вопросы в рамках жизни самого региона, а также функции представительства интересов региона перед федеральными властями.

Всё это позволяет считать глав регионов значимыми субъектами как региональной политики, так и во взаимоотношениях с центром.

Методологическим базисом выступает неонституциональное понимание элит. В рамках неонституционального подхода «...политические институты понимаются с точки зрения взаимосвязи формальных норм и неформальных правил игры, образующих в итоге сложные организационные отношения, формы взаимодействий и саму кооперативную деятельность людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе» (Патрушев, 2006: 15–16). В рамки этой логики хорошо вписывается понимание элиты как специфического института общества. Элиты предстают как упорядоченные, структурированные и рутинизированные группы, контролирующие стратегические позиции в рамках общества или его подсистем, что позволяет им оказывать влияние на распределение определённых общественных благ и принимать конечные решения для всего общества в целом (Дука, 2012: 52–53).

В качестве основного исследовательского метода выбран структурно-биографический анализ. Данный метод заключается в сборе биографических сведений, структурировании и статистической обработке собранных данных (Колесник и Тев, 2009: 77–79). Это позволяет проследить основные жизненные этапы, карьерные траектории и социальные характеристики лиц, занимавших посты глав регионов. Эти характеристики помогают составить «портрет» регионального руководителя, а анализ данных за относительно длительный период времени позволяет увидеть динамику портрета регионального руководителя. Кроме того, данная методика делает возможным отследить содержательные элементы внутриэлитного взаимодействия как формального, так и неформального характера.

Все биографические сведения были получены из открытых источников в сети Интернет. Источниками данных служили сайты региональных органов власти, персональные страницы глав, сайт Совета Федерации, материалы региональных и федеральных СМИ; открытые биографические базы данных. Следует отметить, что биографии часто носили фрагментарный характер, особенно это касается персон, занимавших свои должности до 2000 г.

Всего была собрана информация о 386 позициях глав субъектов. За указанный период должности глав субъектов занимали 373 человека. Разница между количеством человек и количеством позиций обусловлена вхождением одного и того же человека на должности главы разных субъектов или перерывом в руководстве одним и тем же субъектом. Безусловным лидером в количестве субъектов, в кресле главы которых он успел побывать, является О. Н. Кожемяко, который был главой Корякского АО, Амурской области, Сахалинской области, а в данный момент возглавляет Приморский край. Следом идут Р. Ф. Гениатулин, возглавлявший Читинскую область и Забайкальский край, Н.И. Меркушкин, который был главой Республики Мордовия и Самарской области, А.Г. Хлопонин, руководивший Таймырским (Долгано-Ненецким) АО и Красноярским краем, В.А. Толоконский, занимавший кресло руководителя Новосибирской области и Красноярского края. Далее идут главы субъектов, которые дважды возглавляли свой субъект с перерывом на срок полномочий другого лица. К ним относятся: В. П. Муха в Новосибирской области, Н.Д. Егоров в Краснодарском крае, В.А. Барабанов и Ю.Е. Лодкин в Брянской области, Э.Э. Россель в Свердловской области, О.И. Бетин в Тамбовской области.

Среди представленной совокупности 367 чел. мужчины и 6 женщин. Количество женщин составляет 1,6% от общего числа. Первая женщина заняла свою должность в результате выборов главы Корякского АО в 1996 г., ей стала В.Т. Броневиц. Пять из шести женщин вышли из номенклатурных органов власти: ВЛКСМ, КПСС и исполкомов местного и регионального уровней. Только одна пришла в органы власти уже из системы школьного образования с поста директора. Четыре из пяти выходцев из номенклатурных органов работали в исполнительных комитетах уровня города, района и региона на должностях от руководителя отдела до заместителя и председателя этих органов. Данные факты, при признании всей ограниченности количества рассмотренных случаев для валидности каких-либо выводов, всё же наталкивают на мысль о больших возможностях участия в работе органов государственной власти на руководящих должностях для женщин в Советском Союзе, нежели чем в современных условиях. Имеющиеся исследования региональной элиты шести субъектов федерации на основе достаточно обширной выборки показывают, что на всех должностях количество женщин находится на уровне 13% (Быстрова, 2018: 88). С учётом данных других исследователей (на региональном уровне власти во всей стране за последние годы было около 6–9% женщин, а в федеральном парламенте преобладают женщины-депутаты с номенклатурным опытом); полученные данные подтверждают выводы о несформированности в современной России институциональных механизмов продвижения женщин в органы власти всех уровней (Чирикова, 2013: 29, 48–49).

Следующим интересным социальным параметром корпуса глав регионов является их происхождение (см. табл. 1). Необходимо пояснить, что количество человек в каждом периоде отражает количество исполнявших обязанности глав субъектов в тот или иной период. В случае, если один и тот же человек продолжал исполнять свои обязанности на протяжении нескольких обозначенных периодов, то он включался в оба этих периода. Сумма данных может не быть равной 100% по причине округления полученных цифр, либо отсутствия информации по какой-либо из персон.

Таблица 1

Место рождения по периодам, %

Место рождения	1991-1995 N=129	1996-2000 N=124	2001-2005 N=122	2006-2012 N=163	2013-2019 N=140
Город	34,8	37,0	46,7	50,9	59,2
Село	62,7	60,4	52,4	47,8	40,7
Москва и Ленинград	3,1	3,2	4,9	7,3	7,8

Полученные данные демонстрируют заметную убыль лиц, родившихся в сельской местности, и рост (в 1,7 раза) количества родившихся в городах, особенно родившихся в Москве и Ленинграде (в 2,5 раза). Эти данные могут являться косвенным свидетельством ухудшения проницаемости каналов вертикальной мобильности, когда выходцы из городов и столиц имеют заметно более выгодные условия для занятия высокого положения в обществе, нежели сельское население, которое чаще оказывается на периферии социальной иерархии (Быстрова и др., 2017: 155).

Логичным продолжением станет рассмотрение образования губернаторского корпуса (см. табл. 2). Нужно отметить, что из всей совокупности к началу своих полномочий не имели высшего образования только два губернатора. Два высших образования имели 60,3% глав, а три и более 15%. Второе и последующие высшие образования чаще всего получены по профилю государственное и муниципальное управление, либо в сфере экономики, хотя для кадров советской эпохи это могли быть высшие партийные школы. Иногда региональные руководители получают дополнительное образование во время исполнения срока своих полномочий, что закономерно вызывает вопрос о совместимости исполнения достаточно большого объема обязанностей регионального руководителя и качественным процессом получения и усвоения новых знаний.

Таблица 2

Профиль первого высшего образования, %

Профиль образования	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2012	2013–2019
Инженерное	49,6	51,6	48,3	48,4	37,1
Гуманитарное	7,7	8,0	9,0	9,8	12,8
Военное	1,5	5,6	7,3	5,5	8,5
Ест.научное	5,4	1,6	2,4	3,0	2,1
Сельскохоз.	14,7	15,3	9,0	4,2	2,1
Экономическое	11,6	10,4	9,8	14,1	20,7
Юридическое	3,8	3,2	8,1	11,0	13,5
Прочее	4,6	3,2	4,9	3,0	2,8

Если рассмотреть профиль первого полученного высшего образования, то можно увидеть, что в первые два периода преобладал советский тип образования хозяйственников и руководителей – инженерное и сельскохозяйственное. Совокупное количество лиц с данными профилями образования составило 64,3% для первого и 66,9% для второго периода. В дальнейшем просматривается смещение профиля образования региональных руководителей в гуманитарное русло. К последнему из рассматриваемых периодов практически полностью исчезает сельскохозяйственный профиль образования, а совокупное количество лиц с гуманитарным, экономическим и юридическим профилем достигает

47%. Это может говорить о постепенной смене традиционного образа руководителя-хозяйственника на руководителя менеджериального типа, перед которым стоит задача не столько управления и развития регионального производства, сколько эффективного сочетания интересов федерального центра, региональных элит (в первую очередь, бизнеса) и населения региона.

Другая тенденция - рост количества лиц с военным образованием. Несмотря на то, что их максимальное число трудно назвать значительным, его имеют 8,5% региональных руководителей. Данная цифра может быть отголоском кризиса и массовых сокращений в армии после распада СССР, когда большое количество офицеров было вынуждено искать новую работу в иных сферах, которые приносили больший доход, нежели служба в армии. Иллюстрацией может служить А.В. Бречалов. В 1994 г. он окончил Краснодарский военный институт им. генерала армии С.М. Штеменко, два года провёл на службе и перешёл в сферу банковского бизнеса, а уже оттуда через общественные организации «Опора России», ОНФ и Общественную палату попал на должность главы региона. Часто встречаются случаи, когда бывшие военные, достигнув определённого потолка в своей карьере, переходили в органы государственной власти. В пример можно привести генерала В.А. Шаманова, который был избран на пост губернатора с должности командующего 58-й армией СКВО.

Таблица 3

Наличие учёной степени, %

Наличие ученой степени	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2012	2008–2012	2013–2019
Наличие учёной степени	39,5	44,3	48,3	57,0	57,6	51,4
Учёная степень получена до работы в государственных органах	17,8	9,6	11,4	10,4	10,2	10,7

Ещё один интересный аспект в рамках образовательного блока исследования – «остепенённость» региональных глав (см. табл. 3). Наличие учёной степени стало частью символического капитала руководителя практически любого уровня, которая должна подчёркивать его квалификацию и высокий статус. Подобное положение дел порождает такие интересные казусы, как случай А.А. Жилкина, который получил базовое педагогическое физико-математическое образование в 1996 г., будучи первым заместителем губернатора, получил степень кандидата экономических наук, а затем в 2005 г., находясь уже в должности губернатора – степень доктора биологических наук. Если анализировать наличие учёной степени у глав регионов в принципе, независимо от того, когда они её получили, получается достаточно ясная картина устойчивого роста остепенённости высшего руководства российских регионов. Однако, если применить достаточно жёсткий критерий определения наличия степени с условием её получения до работы в органах государственной власти всех уровней, то остепенённость падает в разы. На взгляд автора, последняя цифра более точно отражает реальную картину наличия самостоятельно полученных научных степеней у региональных руководителей. Разрыв между двумя цифрами наличия степеней в 1991–1995 гг. составлял 2,2 раза, но неуклонно рос и в 2006–2012 гг. составил 5,5 раз. Примечательно, что в последний рассматриваемый период, начало которого совпало с возникновением организации Диссернет, сократилась и общая остепенённость, и разрыв между общей и полученной до госслужбы до 4,8 раз.

Прежде чем рассматривать источники рекрутирования глав регионов, необходимо сделать ряд пояснений. Все организации и должности, на которых работали главы субъектов, были объединены в семь укрупнённых групп: номенклатура, технократия, бизнес, силовые структуры, академическое сообщество, администраторы и прочее. Под номенклатурой понимаются лица, имеющие значимый предшествующий опыт работы в советских партийных органах: ВЛКСМ, КПСС, профсоюзных организациях и исполнительных комитетах различных уровней. К технократии отнесены руководители советских промышленных предприятий и колхозов, не руководившие своими предприятиями после перехода к рыночной модели экономики. Представители бизнес-структур – это директора предприятий и их заместители, члены советов директоров коммерческих предприятий вне зависимости от их форм собственности, за исключением членства в советах директоров представителей от органов государственной власти на предприятиях с значительным государственным участием. К представителям силовых структур отнесены служащие таких органов как: Вооружённые силы, МВД, ФСВНГ, МЧС, ФСБ, СВР, ФСО, ГФС, ФСИН, ФССП, ФТС, ГУСП, Прокуратура, Следственный комитет, ФСКН,

ФМС и ФССС (Спецстрой России), ФСНП. Сотрудникам этих органов федеральным законодательством разрешалось хранить, носить и применять боевое, табельное огнестрельное оружие и спецсредства. Академическое сообщество состоит из научно-педагогических сотрудников и руководителей НИИ, академических институтов и университетов. Администраторы – это бывшие руководители структурных подразделений органов государственной власти всех уровней, вплоть до заместителей руководителя этого органа, но не включая их.

Данные, представленные в табл. 4 и 5, наглядно демонстрируют, что в первый и второй периоды доминировали советские элиты. Совокупная сумма выходцев из номенклатуры и технократии составила 81,3% в первый и 76,5% – во второй период соответственно. Они сохраняли доминирующее положение и в третий период, составляя совокупные 55,4%. Данные цифры на региональном уровне наглядно подтверждают теорию воспроизводства советской элиты в ходе трансформации постсоветских режимов (Szelenyi & Szelenyi, 1995: 620–621). Как и следует ожидать, постепенно доля представителей советской элиты снижается, что связано как с естественными биологическими причинами, так и с исчерпанием «личностного ресурса» фигур советской элиты (Туровский, 2004: 167–170). Наиболее массовой группой номенклатура перестала быть только в последний период.

Таблица 4

Источники рекрутирования общие, %

Источники рекрутирования	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2012	2013–2019
Номенклатура	58,9	64,5	45,0	36,1	22,8
Технократия	22,4	12,0	11,4	6,1	1,4
Бизнес	3,8	8,0	20,4	34,3	45,0
Сил. структуры	0,7	7,2	15,5	12,8	12,1
Академическое сообщество	10,8	4,0	1,6	3,6	3,5
Администраторы		0,8	0,8	3,0	8,5
Прочее	3,1	3,2	4,9	3,6	6,4

Таблица 5

Источник рекрутирования, предшествующий посту руководителя субъекта, %

Источники рекрутирования	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2012	2013–2019
Федер. парламент	6,9	13,7	22,1	19,0	17,1
Федер. исполнит.	2,3	2,4	3,2	7,9	10,7
Регион. парламент	20,1	20,9	12,2	11,0	12,1
Регион. исполнит.	37,2	25,8	18,8	25,1	24,2
Муницип. исполнит.	9,3	13,7	13,1	11,0	14,2
Сил. структуры		2,4	4,9	2,4	3,5
Бизнес	5,4	6,4	9,8	9,8	7,8
Админ. Президента	1,5	2,4	5,7	6,7	6,4
Прочее	16,9	12,0	9,8	6,8	3,7

Другой интересной тенденцией является появление и постепенный рост выходцев с административных должностей, которые выстраивали большую часть своей карьеры в органах государственной власти, постепенно поднимаясь в служебной иерархии руководителей структурных подразделений органов власти и, переходя между различными уровнями власти, добивались до текущей вершины своей карьеры – должности главы субъекта Федерации. Их количество не велико, но наблюдаемая на данный момент тенденция к увеличению их числа наталкивает на мысль о том, что складывается более закрытый тип рекрутирования в элиту и профессионализация чиновничества в целом (Тев, 2016: 117–118).

Нельзя не упомянуть о росте количества представителей силовых структур и теории «милитократии» (Kryshtanovskaya & White, 2003). Сомнения в данной теории вызывает как однородность группы силовиков вследствие наличия у них общего «силового» образа мышления, так и частого длительного перерыва между работой в силовых структурах и занятием элитной позиции (Renz, 2006: 909, 912–917). Полученные в рамках данного исследования данные показывают, что количество бывших силовиков не демонстрирует устойчивого роста. Процент непосредственного рекрутирования из силовых структур так же мал на всём протяжении рассмотренного временного отрезка, что может подтверждать ранее высказанный тезис о том, что силовики чаще приходят во власть через промежуточные должности. Учитывая общую картину динамики изменений, можно согласиться с выводами других исследователей о том, что вхождение во власть представителей силовых структур не являлось преобладающей и наиболее значимой тенденцией (Гаман-Голутвина, 2004: 8–9).

Последними будут рассмотрены выходцы из бизнес-структур, и здесь можно заметить несколько интересных моментов. Первый – это поступательный рост количества выходцев из бизнеса. Это подтверждает выводы других исследователей о том, что вхождение во власть представителей бизнеса являлось и является на данный момент преобладающей тенденцией (Гаман-Голутвина, 2004: 9) и служит ещё одним подтверждением перехода к менеджеральному облику регионального руководителя, когда опыт управления коммерческим предприятием считается полезным в системе государственного управления в государстве с рыночной экономикой. Второй момент связан с тем, что рост количества выходцев из бизнеса не ведёт к росту прямого рекрутирования из него. За все периоды напрямую из бизнеса на должность регионального руководителя пришли только 18,8%. Возникает вопрос: откуда приходят остальные бизнесмены? Наиболее значимым непосредственным источником вхождения на пост губернатора для бизнесменов являются региональные органы власти, откуда пришли 32,7%. Следом идёт федеральный уровень – 27,7%. Замыкают список муниципальные исполнительные органы – 15,8%. Наконец, следует отметить, что 40,6% всех, кто занял свой пост, непосредственно придя из бизнес-структур, не являются бизнесменами по основному источнику рекрутирования.

Какие можно сделать выводы из приведённых данных? Во-первых, просматривается наличие возможности перехода как представителей органов власти в бизнес, так и обратно представителей бизнеса во власть, что описывается как модель «двери-вертушки» (Шентякова, 2015: 48). Этот вывод подтверждается анализом выборов 2018 г.: у вновь избранных губернаторов в биографии есть «пора бизнеса» и «пора политики» (Быстрова, 2018: 347). Во-вторых, налицо плутократизация власти (Колесник и Тев, 2009: 81), проявляющаяся во всё более увеличивающемся влиянии капитала на региональный уровень власти. В-третьих, подтверждается тенденция профессионализации чиновничества, когда перед занятием должности главы субъекта РФ представители бизнеса чаще всего имеют опыт работы в государственных органах различных уровней, а не занимают эту должность, непосредственно придя из бизнеса.

Если ещё раз внимательно взглянуть на табл. 5, то можно отметить показатель снижения роли регионального уровня власти как непосредственного источника формирования губернаторского корпуса. В начальный период совокупная сумма региональных источников составляла 57,3%, а федеральных всего 10,7%. В последний период соотношение стало 36,3 и 34,2% соответственно. Это происходит на фоне увеличения числа выходцев с муниципального исполнительного уровня власти и уменьшения прочих источников. На основе этих данных можно прийти к выводам: во-первых, уменьшение прочих непосредственных источников входа говорит о закрытости регионального уровня власти для всех, кто в эту систему не включён; во-вторых, рост количества выходцев с муниципального уровня говорит о складывании системы внутриэлитной вертикальной мобильности, когда успешные муниципальные политики имеют реальный шанс перейти на должность регионального руководителя; в-третьих, увеличение количества выходцев с федерального уровня власти может являться свидетельством роста влияния федерального центра, даже несмотря на возвращение процедуры выборов региональных глав.

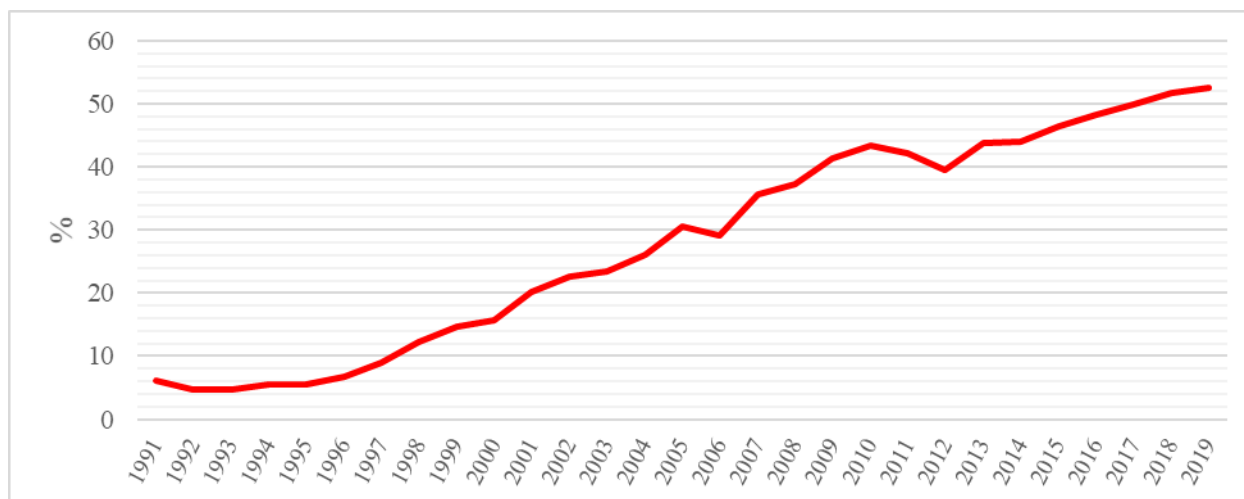

Рис. 1. Количество варягов в конкретном наборе глав субъектов по годам, %

Последним вопросом, который хочется осветить в рамках проведённого исследования – это количество «варягов» среди региональных руководителей. Следует пояснить, что для выявления «варягов» был применён примитивный критерий отсутствия лица в течение пяти лет в субъекте, главой которого он стал в дальнейшем. Несмотря на ограниченность и поверхностность данного критерия, в рамках продолжительного временного среза он способен продемонстрировать общую тенденцию.

На графике (рис. 1) представлена доля «варягов» в каждом конкретном наборе региональных руководителей, занимавших свой пост в определённый год. Минимум находится на отметке 1993 г. и составляет 4,6% от общего числа, а максимум был достигнут в 2019 г. и достиг цифры в 52,6%. Неворужённым глазом прослеживается тенденция к росту количества «варягов» среди глав субъектов Федерации, что, очевидно, является прямым свидетельством высокого уровня влияния федерального центра на регионы. Полученные результаты, несмотря на примитивность подхода, коррелируют с трендами и выводами, обозначенными в гораздо более обстоятельных исследованиях, посвящённых только теме «варягов» среди губернаторов (Кынев, 2019).

* * *

Резюмируя проделанную работу, необходимо кратко изложить основные выводы:

1. В результате распада Советского Союза не произошла резкая смена высшего эшелона региональных элит. Подавляющее большинство региональных руководителей первого десятилетия новой России, в сущности, являлись советскими элитами, что говорит о их воспроизводстве. В дальнейшем отмечается тенденция к уменьшению лиц, получивших значимый опыт работы в номенклатурных органах, что, вероятнее, объясняется естественными причинами.

2. Начиная с 2000-х гг. происходит изменение облика регионального руководителя. Наиболее значимой для рекрутирования губернаторов сферой становится бизнес, появляются представители силовых структур и лица, сделавшие карьеру на административных должностях. Вместе с этим меняется и профиль базового образования: с инженерного и сельскохозяйственного в сторону гуманитарного, особенно экономического и юридического. Типичный руководитель субъекта Федерации из «хозяйственника» превратился в «менеджера».

3. Отмечается плутократизация регионального уровня власти. Бизнес становится значимым источником рекрутирования, что явно свидетельствует об успешной конвертации экономического влияния в политическое. Другое свидетельство плутократизации заключается в том, что отношения между властью и бизнесом превратились в «двери-вертушки», которые пропускают представителей власти в бизнес и представителей бизнеса – во власть.

4. В рамках проведённого исследования выявлена тенденция профессионализации чиновничества. Несмотря на то, что бизнес стал основным общим источником рекрутирования, он не доминирует в качестве непосредственного источника вхождения в должность, и в подавляющем большинстве случаев выходцы из бизнеса проходят несколько этапов карьеры в рамках властных органов. Это говорит о необходимости социализации в системе властных институтов государства и профессионализации его как чиновника. Другим подтверждением этого вывода является тенденция к росту коли-

чества выходцев из местных исполнительных органов власти, что говорит о наличии вертикальной мобильности внутри властных структур.

5. Возросла зависимость регионов от федерального центра, что проявляется не только в изменении институционального дизайна, но и находит своё отражение, во-первых, в увеличении количества «варягов», занимающих посты региональных руководителей, и во-вторых, в повышении количества лиц, приходящих руководить регионом из органов власти федерального уровня.

Финансовая поддержка

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-011-32161.

Библиографический список

- Быстрова, А. С. (2018) 'Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей', *Власть и элиты*, 5, сс. 331–359. [Bystrova, A. S. (2018) 'Resignations and elections of 2018: update governors, pool recruiting and career of new characters' [Otstavki i vybory 2018: obnovlenie gubernatorskogo korpusa, bassein rekrutirovaniya i kar'ery novykh personazhei], *Power and Elites*, 5, pp. 331–359, DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.12>. (In Russ.)].
- Быстрова, А. С., Даугавет, А. Б., Дука, А. В., Тев, Д. Б. (2017) 'Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества', *Власть и элиты*, 4, сс. 147–169. [Bystrova, A. S., Daugavet, A. B., Duka, A. V., Tev, D. B. (2017) 'Regional power groups: basic social and structural characteristics and a role in development of today Russian society' [Regional'nye vlastnye grupy: osnovnye sotsial'no-strukturnye kharakteristiki i rol' v razvitii sovremennogo rossiiskogo obshchestva], *Power and Elites*, 4, pp. 147–169, DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.5>. (In Russ.)].
- Бурда, М. А. (2019) 'Протестное голосование, как форма политического участия в современной России (на примере Владимирской области)', *PolitBook*, 1, сс. 22–36. [Burda, M. A. (2019) 'Protest vote as form of political participation in modern Russia (on the example of the Vladimir region)' [Protestnoe golosovanie, kak forma politicheskogo uchastiya v sovremennoi Rossii (na primere Vladimirskoi oblasti)], *PolitBook*, 1, pp. 22–36. (In Russ.)].
- Гаман-Голутвина, О. В. (2004) 'Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I)', *Полис.*
- Анализ. Хроника. Прогноз*, 2, сс. 125–150. [Kynev, A. V. (2019) 'Phenomenon of governors-“outsiders” as indicator of recentralization (experience of 1991–2018 years)' [Fenomen gubernatorov-«varyagov» kak indikator retsentralizatsii (Opyt 1991–2018 gg.)], *Politeia*, 2, pp. 125–150, DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-150. (In Russ.)].
- Патрушев, С. В. (ред.) (2006) *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России*. Москва: ИСП РАН. [Patrushev, S.V. (eds.) (2006) *Institutional Political Science: Modern Institutionalism and Political Transformation of Russia* [Institutsional'naya politologiya: sovremennyi institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii]. Moscow: Ivannikov Institute for System Programming of the RAS Publ. (In Russ.)].
- Тев, Д. Б. (2016) 'Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 115–130. [Tev, D. B. (2016) 'Federal administrative elite of Russia: career paths and channels of recruitment' [Federal'naya administrativnaya elita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovaniya], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 115–130, DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2004) 'Кризис российской региональной элиты' в: Игнатов, В. Г. (ред.) *Властные элиты современной России в процессе политической трансформации*. Ростов-на-Дону: СКАГС, сс. 167–187. [Turovskii, R. F. (2004) 'The crisis of the Russian regional elite' [Krizis rossiiskoi regional'noi elity] in: Ignatov, V. G. (ed.) *The power elites of modern Russia in the process of political transformation* [Vlastnye elity sovremennoi Rossii v protsesse politicheskoi transformatsii]. Rostov-on-Don: South Rus-

- Политические исследования*, 2, сс. 6–19. [Gaman-Golutvina, O. V. (2004) 'Regional Elites of Russia: Personnel and Evolution Trends (I)' [Regional'nye elity Rossii: personal'nyi sostav i tendentsii evolyutsii (I)], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 6–19, DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02>. (In Russ.)].
- Гельман, В. Я. (2006) 'Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России)', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 90–109. [Gel'man, V. Ya. (2006) 'The return of Leviathan? (The policy of recentralization in modern Russia)' [Vozvrashchenie Leviafana? (Politika retsentralizatsii v sovremennoi Rossii)], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 90–109, DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.08>. (In Russ.)].
- Гуляева, А. Г. (2014) 'Вариант «Преемник» на региональном уровне: смена губернаторов в России в 2005–2012 годах', *Неприкосновенный запас*, 2 [электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/2/variant-preemnik-na-regionalnom-urovne-smena-gubernatorov-v-rossii-v-2005-2012-godah.html> (дата обращения: 30.09.2019). [Gulyaeva, A. G. (2014) 'The "Successor" option at the regional level: the change of governors in Russia in 2005–2012' [Variant «Preemnik» na regional'nom urovne: smena gubernatorov v Rossii v 2005–2012 godakh], *Neprikosnovennyi zapas*, 2 [online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/2/variant-preemnik-na-regionalnom-urovne-smena-gubernatorov-v-rossii-v-2005-2012-godah.html> (Accessed: 30 September 2019). (In Russ.)].
- Дука, А. В. (2012) 'О подходах к анализу властных элит', *Управленческое консультирование*, 3 (47), сс. 48–55. [Duka, A. V. (2012) 'On the approaches to power elite analysis' [O podkhodakh k analizu vlastnykh elit], *Administrative Consulting*, 3 (47), pp. 48–55. (In Russ.)].
- Колесник, Н. В., Тев, Д. Б. (2009) 'Биография элиты: возможности социоструктурного анализа', *Социологические исследования*, 6, сс. 76–84. [Kolesnik, N. V., Tev, D. B. (2009) 'Elite Biographies: Socio-structural Analysis Perspectives' [Biografiya elity: vozmozhnosti sotsiostrukturnogo analiza], *Sociological Studies*, 6, pp. 76–84. (In Russ.)].
- sian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., pp. 167–187. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2009) 'Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 2, сс. 72–89. [Turovskii, R. F. (2009) 'Governor Appointment Practices: Inertia and Radicalism in the Center Policy' [Praktiki naznacheniya gubernatorov: inertsia i radikalizm v politike tsentra], *Politeia*, 2, pp. 72–89, DOI: 10.30570/2078-5089-2009-53-2-72-89. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е. (2013) 'Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик', *Сравнительная политика*, 2 (12), сс. 29–49. [Chirikova, A. E. (2013) 'Woman in establishment and in business: comparative analysis of Russian and French practices' [Zhenshchina vo vlasti i biznese: sravnitel'nyi analiz rossiiskikh i frantsuzskikh praktik], *Comparative Politics Russia*, 2 (12), pp. 29–49. (In Russ.)].
- Шентякова, А. В. (2015) 'Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, 3, сс. 46–56. [Shentyakova, A. V. (2015) 'Permeability of recruitment channels into the political elite' [Pronitsaemost' kanalov rekrutirovaniya v politicheskuyu elitu], *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culture Studies. Political Science. Law. International relations*, 3, pp. 46–56. (In Russ.)].
- Kryshatanovskaya, O., White, S. (2003) 'Putin's Militocracy', *Post-Soviet Affairs*, 19(4), pp. 289–306, DOI: 10.2747/1060-586X.19.4.289.
- Renz, B. (2006) 'Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics', *Europe-Asia Studies*, 58(6), pp. 903–924, DOI:10.1080/09668130600831134.
- Reuter, O. (2017) *The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, DOI: 10.1017/9781316761649.
- Szelenyi, I., Szelenyi, S. (1995) 'Circulation of Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation of Eastern Europe', *Theory and Society*, 24(5), pp. 615–638.

- Кынев, А. В. (2019) 'Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (Опыт 1991–2018 гг.)', *Полития*:
Treisman, D. (2002) 'Russia Renewed?', *Foreign Affairs*, 81(6), pp. 58–72.

Информация об авторе

Флягин Артем Михайлович – младший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: artemflyag@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2538-0201. ResearcherID: K-6633-2018).

Статья принята к печати: 15.01.2020

HOW THE PORTRAIT OF THE RUSSIAN GOVERNORS HAS CHANGED: ANALYZING BIOGRAPHIES OF THE HEADS OF RUSSIAN REGIONS. 1991–2019

A. M. Flyagin

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), Saint Petersburg

Abstract

The author identifies five main stages of the transformation of the Russian political system that have had the greatest impact on the regional level of power. Based on these stages, there are analyzed biographies of all the heads of Russian regions who held their positions from 1991 to 2019. The main goal was to identify social characteristics and career paths of the heads of Russian regions. It has been found that there took place reproduction of Soviet elites rather than a radical renewal of regional elites. The portrait of the head of a region has changed from the Soviet type to the modern 'manager' type. The author demonstrates the tendency of plutocratization of regional elites due to the increasing number of business representatives and the free exchange of cadres between the power and business. The paper also reveals such trends as professionalization of bureaucracy and the growing dependence of regions on the federal authorities due to an increase in the number of 'Varangians' among the heads of regions.

Keywords: governors; biographies; transformation.